

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 1 (44)

**КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ:
Qs&As**

Материалы Круглого стола

**Московский государственный
лингвистический университет**

29 октября 2020 года

Москва – Тамбов
2021

УДК 40
ББК 80
K57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2021 год.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Ирисханова О.К., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор выпуска);
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Кюссе М.И., доктор филологических наук, доцент (отв. редактор выпуска);
Карпенко Е.И., кандидат филологических наук, доцент (редактор выпуска);
Томская М.В., кандидат филологических наук, доцент (редактор выпуска);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 **Когнитивные исследования языка** / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008– .
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 1 (44): Когнитивные исследования естественной коммуникации: Qs&As: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 29 октября 2020 года / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – 474 с.

ISBN 978-5-00078-433-4

В настоящем сборнике отражены актуальные направления когнитивных исследований естественной коммуникации. Понятие естественной коммуникации позволяет исследователям-когнитологам, действуя на пересечении разных дисциплин и применяя различные методы анализа языкового материала, обратиться к таким свойствам общения, как вариативность, многофункциональность, социальная адаптивность, спонтанность, способность взаимодействовать разные каналы и средства общения. Соответственно, сборник строится вокруг полемических вопросов о междисциплинарности современных когнитивных работ, методах когнитивных исследований, взаимопроникновении слов и контекстов, роли жестов в речи, границах креативности и картинах мира. Ответы на эти и другие вопросы дают известные отечественные когнитологи, ведущие исследования в области когнитивного конструирования, когнитивно-функциональной лингвистики, когнитивной прагматики, дискурсологии и социосемиотики. Сборник адресован широкому кругу специалистов по когнитивной и полимодальной лингвистике, а также гуманитариям в целом.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-433-4 (Вып. № 1 (44)) © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2021
ISBN 978-5-89016-442-1 © Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2021

Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М.: Институт наследия. 2013. С: 233-236.

Никитина С.Е. Об устных формах и способах освоения Библии в молоканской культуре // Устное и книжное в славянской еврейской культурной традиции. Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». М.: Институт славяноведения, 2013а. С. 181-185.

ПМА – полевые материалы автора.

Савельева Н.М. Духовная музыкальная культура молокан. М.: Издательство «Композитор», 2015.

S.E. Nikitina (*Moscow, Russia*)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ON THE “FRIENDS” OF A COGNITIVE LINGUIST

The article presents several examples of investigations when it is useful for a cognitive linguist to turn to specialists in other fields of knowledge (theologian, ethnologist, musicologist and so on), as well as to the self-awareness of informants in the process of field research.

Key words: cognitive linguist, confessional groups, investigations, theologian, ethnologist, musicologist, self-awareness of informants.

Д.Б. Никуличева (*Москва, Россия*)

Институт языкознания РАН,

Московский государственный лингвистический университет

nikoulitcheva@yandex.ru

КОГНИТОЛОГИЯ: ОПЫТ СООТНЕСЕНИЯ С ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКОЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИКОЙ

На материале английского и датского языков в статье обсуждается соотнесенность концептуального пространства темпоральных категорий с пространственным представлением биографического времени их носителями.

Ключевые слова: концептуальное пространство, ментальное пространство, темпоральные категории, когнитивный сюжет, лингвоспецифическая метафора.

Важным понятием когнитивной лингвистики является понятие «концептуального пространства языка» [Болдырев 2005]. Грамматическим категориям отводится важнейшая роль в его конструировании: «Грамматические категории диктуют главные координаты членения всего пространства мысли и задают «сетку координат», в рамках которой осуществляется языковое осмысление мира [Беседина 2010: 206]. Вопрос, обсуждаемый в данной статье, состоит в том, как концептуальное пространство темпоральной категоризации, задаваемое грамматикой определенного языка, может быть соотнесено с невербальным пространственным представлением временных смыслов в сознании его носителей.

Задача теоретической грамматики заключается в представлении грамматических явлений описываемого языка как целостной системы – как в плане содержательных категорий, так и в плане выражающих эти содержания грамматических структур. Если обратиться к описанию глагольных категорий германских языков, то стремление целостно представить систему грамматических категорий может быть наглядно проиллюстрировано известными графическими схемами, предложенными в свое время исследователями на материале разных германских языков. Речь идет, в частности, о «трехмерной схеме» – шестнадцатичленном кубе английских глагольных форм А.И. Смирницкого, интегрирующем в единой пространственной структуре формы временной локализации (настоящее / прошедшее / будущее), временной отнесенности (перфект / неперфект) и вида (длительный / общий):

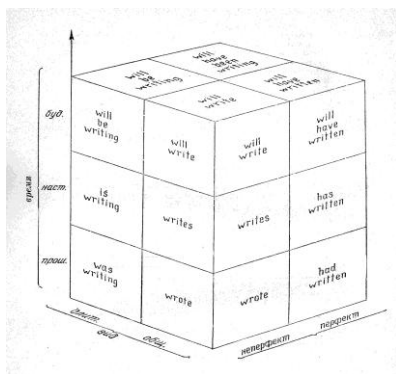

Рис. 1. [Смирницкий 1959: 310]

В середине XX в. идея пространственной организации грамматических категорий, прежде всего, определялась стремлением осмыслить многомерность системы грамматических оппозиций в структурном аспекте. Первая попытка ввести точку ориентации субъекта в пространственные представления глагольных категорий была сделана У.Е. Буллом. На основании исследования глагольных категорий порядка 50 языков он предложил ввести понятие «вектор времени» (time vector), указывающий направление, на котором расположено событие относительно точки отсчета. Важно отметить, что исследователь попытался учесть, как бы мы сейчас это назвали, перцептивные и когнитивные аспекты ситуации: субъект может переживать, вспоминать и предвосхищать событие (experience, recall, anticipate the event) [Bull 1960: 12-13]. Однако введение таких важных, на наш взгляд, инструментов описания как «векторы времени» и «точка отсчета» не помогло У.Е. Буллу целостно представить пространственную схему глагольных категорий, которую он заменил на набор отдельных «осей ориентации». В этом плане куб А.И. Смирницкого даже в большей мере отвечал задаче постулируемого У.Е. Буллом пространственного представления многомерности глагольных категорий языковой системы.

Не удалось это, на наш взгляд, и З.Я. Тураевой, опирающейся на идеи У.Е. Булла. Для описания видовременной системы английского языка она предлагала «концептуальное многомерное пространство», понимаемое ею в духе структурализма – как «абстрактная модель, которая используется для описания совокупности каких-либо элементов». Установка автора состоит в постулируемом отказе от «концептуального представления грамматического времени в виде геометрической линии», которое «проистекало из стремления смоделировать физическое время, опуская особенности перцептуального времени, нашего отражение в грамматическом времени, – многомерность и обратимость» [Тураева 1979: 193]. При этом «пространство» понималось ею весьма условно, что явствует из утверждения: «предлагаемое концептуальное временное пространство не имеет единой размерности и распадается на 4 пространства с разной размерностью» [Там же].

Если обратиться к графическому представлению этого «концептуального пространства», то обнаружится любопытная закономерность: все «оси ориентации параллельны друг другу», на что прямо указывает автор [Тураева 1979: 196], и, что особенно важно – но что автор не комментирует – располагаются ею на схеме с весьма показательным горизонтальным сдвигом относительно друг друга (рис. 2).

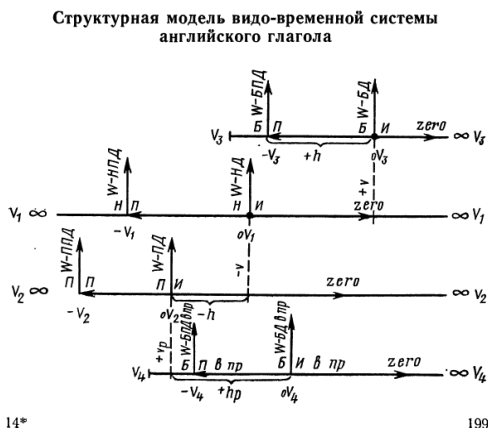

Рис. 2. [Тураева 1974: 199]

В культурах с письменностью, направленной слева направо (см.: [Бородицки 2015]), такая направленность регулярно соответствует направлению из прошлого в будущее. Верхняя «ось» (V_3), наиболее сдвинутая вправо, соответствует вектору Future Perfect – Future Indefinite; вторая сверху (V_1) с точками, смещенными левее – вектору Present Perfect – Present Indefinite; третья (V_2) – с еще большим смещением влево – вектору Past Perfect – Past Indefinite. Наконец, нижняя (V_4), с точками, смещенными правее относительно Past Indefinite – вектору относительных форм будущего в прошедшем – Future Perfect in the Past и Future in the Past. Таким образом, оказывается, что, при всей сложности объяснений и буквенных обозначений, все эти однонаправленные векторы при их наложении образуют ни что иное как «одну геометрическую линию», которой в своих теоретических установках так сопровтивлялась З.Я. Тураева.

Если вновь обратиться к пространственной схеме А.И. Смирницкого, то можно заметить вертикальную стрелку – опять-таки скрытую «линию времени» – направленную из прошлого в будущее. Это приводит нас к выводу, что при всем желании грамматистов пространственно отразить многомерность глагольных оппозиций, идея «линии времени» так или иначе имплицитно присутствует при описании англий-

ской видовременной системы, поскольку диктуется самим набором ее категориальных форм.

В диахроническом плане следует учесть, что формирование современной системы глагольных категорий происходило стадийно – от противопоставления презенса и претерита, зарегистрированного еще в древнейших германских памятниках, к постепенному усложнению грамматических оппозиций. Так, на первом этапе перехода от флективного к аналитическому строю произошла парадигматизация форм перфекта (XII–XIII вв.), совпавшая с разрушением древних га-композигов, оформлявших старую видовую оппозицию. Именно формирование аналитической категории временной отнесенности заложило основу для перестройки всей глагольной системы и ее дальнейшей эволюции. При этом важно учитывать, что префект на ранней стадии «предстает как отграниченный от ситуативного момента некоторым временным промежутком», и что «употребление формы перфекта при обстоятельствах незаконченного времени устанавливается относительно очень поздно – в XVII–XVIII вв.» [Смирницкая 1977: 70].

С когнитивной точки зрения это означает то, что была запущена кардинальная перестройка темпорального сознания носителей германских языков. Если прежняя бинарная оппозиция: «событие, происходящее в момент речи» vs. «событие, предшествовавшее моменту речи», членила временную реальность на два ментальных пространства: «переживаемое в момент речи» (настоящее) и «пережитое до момента речи» (т. е. *уже не* настоящее), то возникшая позже категория временной отнесенности устанавливала принципиально иное представление об организации времени. Становление категорий перфекта и плюсквамперфекта когнитивно «растягивало» темпоральное пространство «пережитой реальности», структурируя последовательность событий: *предпрошлое* → *прошлое* → *преднастоящее* → *настоящее*, тем самым закладывая в саму структуру грамматических категорий идею о *линейности* ментального пространства времени. Этот важнейший когнитивный сдвиг запустил целый ряд дальнейших грамматических преобразований.

Идея протяженной линии времени, соотносящей события прошлого между собой и с настоящим моментом, закономерно предполагала возможность продолжения линии времени из прошлого в будущее. «Достраивание» линии грамматического времени за счет парадигматизации форм будущего времени стало закономерным проявлением этой тенденции. Она проведена не во всех германских языках, но там, где

она реализована (в английском в XIII–XVI вв.), парадигматизация фигуры хронологически происходила после становления категории временной отнесенности [Смирницкая 1977]. А еще позднее, уже после того, как в сознании носителей языка грамматически была сформирована идея *протяженности* ментального пространства времени, на эту линию времени могло быть наложено представление о процессе, протекающем синхронно определенной точке на линии времени, что характеризует грамматическую семантику форм длительности. Так, исследователи отмечают, что процесс парадигматизации форм длительного вида происходит в английском языке только в XVI–XVIII вв. [Смирницкая 1977: 28].

Возвращаясь к графической схеме З.Я. Тураевой, стоит обратить внимание на то, где она размещает формы длительности (рис. 2). Каждая из них располагается *сверху, над* соответствующей формой Indefinite, Perfect и др., что вполне соответствует отмеченному нами представлению о последующем «наложении» форм длительности на линию основных временных форм.

Пространственное представление о наложении длящихся процессов на события-ориентиры находит отражение в некоторых лингвоспецифических (и, как следствие, сложных для перевода на русский язык) метафорах времени в английской художественной литературе (см.: [Никуличева 2009]). Что же касается художественного осмысления линейной организации времени, то ни одна другая лингвокультура не дала столько сюжетов, основанных на перемещении персонажа по линии времени, как англоязычная. В качестве примера можно привести: литературные произведения: Herbert Wells “Time Machine”, F. Scott Fitzgerald “The Curious Case of Benjamin Button”, Ray Bradbury “Butterfly effect”, Michael Crichton “Time Line”, Audrey Niffenegger “The Time Traveler’s Wife”, кинофильмы: Peter Howitt “Sliding Doors”, Robert Zemeckis “Back to the Future”, Alejandro Agresti “Lake House”, James Mangold “Kate & Leopold” и множество других произведений. Такие сюжеты мы определяем как когнитивные – производные от особенностей языковой категоризации – и, как следствие, вновь и вновь воспроизводимые и осмысливаемые в художественных произведениях соответствующей лингвокультуры [Никуличева 2019].

Для того чтобы соотнести систему английских грамматических форм с невербальными представлениями носителей английского языка об организации темпорального пространства, мы провели психолингвистический эксперимент с одинаковым числом носителей англий-

ского и датского языка по визуализации эмоционально нейтральных событий их биографического прошлого, настоящего и будущего, где использовалась специально разработанная трехмерная система пространственных координат, позволяющая локализовать события в ментальном пространстве информанта. Результаты американской части эксперимента показали, что информанты, которые видели самих себя в картинках вспоминаемых ими и конструируемых событий (т. е. были склонны к диссоциированному восприятию), демонстрировали расположение событий на векторах, ориентированных по отношению к субъекту: векторе последовательно приближающихся событий взрослого прошлого, векторе событий детства, относительно более отдаленном, но тоже направленном в сторону субъекта, векторе событий актуального прошлого, расположенном непосредственно перед глазами субъекта, и на векторе событий будущего, последовательно отдаляющемся от субъекта в противоположном направлении [Никуличева 2016]. В целом, последовательность векторов выстраивалась в подобие параболической линии, которая приближалась к точке «здесь и сейчас» информанта из прошлого и затем отдалялась в будущее. Тем самым события, соответствующие категориям: настоящее (Present Indefinite) – актуальное прошедшее (Present Perfect) – прошедшее (Past Indefinite) – предпрошедшее (Past Perfect), а также будущее (Future Indefinite), формировали представление о ментальном пространстве, организованном относительно субъекта коммуникации. Важно то, что указанные точки также задавали концептуальную пространственную основу для локализации форм временной отнесенности как перцептивно более отдаленных и смещенных либо в сторону будущего (Future Perfect), либо в сторону прошлого (Future Perfect, Future Perfect in the Past). Если дополнить возникающую при таком противопоставлении плоскостную восьмичленную структуру оппозиций наложением на них плана соответствующих форм длительности, то мы получаем 16-членную трехмерную структуру, что позволяет сопоставить ее с кубом А.И. Смирницкого (рис. 1). Принципиальное отличие предлагаемой нами пространственной модели (рис. 3), основанной на результатах психолингвистического эксперимента, состоит в ее антропоцентрированности: в качестве точки отсчета используется позиция говорящего в момент коммуникации. При таком пространственном представлении учитываются как особенности невербального представления биографического времени носителями английского языка, так и базовая линейность представления времени, отраженная в когнитивных

сюжетах англоязычной литературы, а также стадиальность формирования видо-временных форм английского глагола.

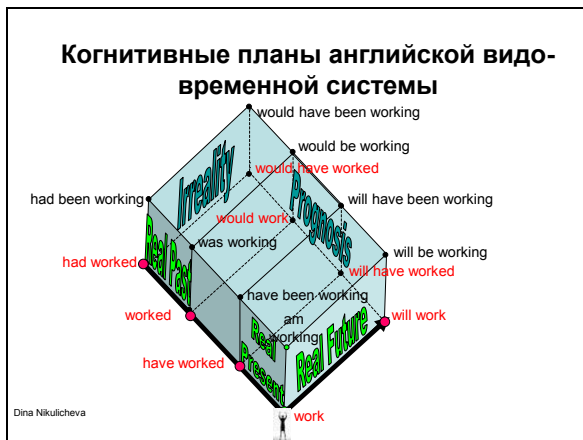

Рис 3. Пространственная модель видо-временной системы английского глагола

В результате может быть выявлен ряд когнитивных планов темпорального пространства. Ближайшими к позиции субъекта коммуникации являются планы реального настоящего, реального прошлого и реального будущего. Когнитивно и перцептивно более удаленными – планы прогностических конструкций в их временной отнесенности к событиям реального времени. Результаты эксперимента по представлению американскими информантами ирреальных событий [Никulichева 2016] подтверждают, что наиболее дистанцированными в ментальном пространстве информантов оказываются контрафактивные допущения об альтернативных вариантах развития событий биографического прошлого, соответствующее форме Future Perfect in the Past. Таким образом, категория ментального дистанцирования может рассматриваться как перцептивное основание для системной омонимии форм времени и сослагательного наклонения в английском языке.

Результаты эксперимента с датскими информантами выявили принципиально иную ориентацию векторов, а именно, их разнонаправленность [Никulichева 2008]. События актуального прошлого располагались на векторе, направленном к субъекту прямо по централь-

ной оси его зрения, события взрослого прошлого, на векторе, приближающемся справа, а события будущего – в визуализации которых датчане затруднялись гораздо больше, чем американские информанты (будто их было сложнее «рассмотреть») – на векторе, уходящем ниже центральной оси зрения информанта. Тем самым задавалась перцептивная основа для пространственной локализации восьмичленной системы темпоральных оппозиций современного датского языка с относительно слабее парадигматизованным футурумом. Четко просматривался план «пережитой реальности», образуемый параллельными векторами *перфект*→*презенс* и *плюсквамперфект*→*претерит* (манифестирующими базовое для датского языка противопоставление «пространственно-временной разобщенности / неразобщенности события и коммуникативной ситуации» [Локштанова 1986: 116-119]) и соединяющим их вектором *претерит*→*презенс*. На более отдаленном от наблюдателя плане «конструируемой реальности» оказывались прогнозируемые (как реальные, так и ирреальные) события, когнитивно соответствующие перфективным и неперфективным формам футурального ряда.

Постулирование ментального пространства темпоральных категорий, основанное на невербальном представлении биографического времени, позволяет учесть антропоцентрический фактор субъекта коммуникации, объяснять явления грамматической омонимии форм времени и наклонения, а также осмыслить целый ряд лингвоспецифических метафор времени и когнитивных сюжетов в датской художественной литературе.

Литература

Беседина Н.А. Когнитивные основания морфологических категорий // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 206-211.

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 16-39.

Бородицки Л. Как языки конструируют время // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 199-212.

Локштанова Л.М. О категориальных значениях форм индикатива в датском языке // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 111-121.

Никуличева Д.Б. О перцептивных основах категоризации видовременных значений в английском и датском языках // Германистика.

Скандинавистика. Историческая поэтика: сборник статей к юбилею О.А. Смирницкой. М.: Издательский центр МГУ, 2008. С. 76-103.

Никуличева Д.Б. Метафора времени в художественном тексте как отражение грамматической категоризации времени в языке // Контрастные исследования языков мира: материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н. Ярцевой. М.-Калуга: Издательство «Эйдос», 2009. С. 54-63.

Никуличева Д.Б. Вербализация времени в английском языке и экспериментальное исследование интероцепции биографического времени англоязычными информантами // Вопросы психолингвистики. Вып. 1 (27). М., 2016. С. 165-179.

Никуличева Д.Б. Когнитивные сюжеты, задаваемые грамматикой и сложности их перевода // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 231-239.

Смирницкая О.А. Эволюция видовременной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука, 1977. С. 5-127.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1959.

Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979.

Bull W.E. Time, Tense and the Verb. A Study in Theoretical and Applied Linguistics, with Particular Attention to Spanish. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960.

D.B. Nikulicheva (Moscow, Russia)

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University*

COGNITOLOGY: CORRELATION BETWEEN THEORETICAL GRAMMAR AND PSYCHOLINGUISTICS

Based on the material of English and Danish languages, the article discusses how the conceptual space of temporal categories correlates with the spatial representation of biographical time by native speakers.

Key words: conceptual space, mental space, temporal categories, cognitive plot, linguo-specific metaphor.